

сится с представлением о сохранении человеком целостности духовной жизни — личности как «малой чаше» бытия. «Поэзия мысли» Пришвина восходит к христианским воззрениям на человека, мотивам Святого Писания. «Человек как двуединая чаша» — предельно обобщенная аксиома Пришвина, с помощью которой он показывает постоянство взаимонаправленных отношений человека и мироздания, духа и материи.

А. В. Грунтовский (Санкт-Петербург) в выступлении «Литература и православие» высказал ряд суждений по проблеме «православного литературоведения». Он, в частности, предположил, что культура есть исторически реализованная «русская идея», отражающая Промысел Божий о России, и писатель призван воплотить его литературными средствами.

Итоги конференции подвел председатель Оргкомитета А. М. Любомудров.

© *О. В. Румянцева*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научно-практическая конференция под таким названием, состоявшаяся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) 7—9 июня 2001 года и собравшая ученых-текстологов Петербурга и Москвы, превратилась в трехдневную презентацию новых изданий русской классики. Один перечень представленных на конференции академических, научных и научно-массовых изданий говорит сам за себя: Пушкин, Гоголь, Толстой, Гончаров, Фет, Лесков, Леонтьев, Ремизов, Андреев, Горький, Маяковский, Есенин, Гумилев. Вместе с тем, как отметили все выступающие, современная издательская практика с ее масштабами, темпами и волевыми эдичионными принципами (а часто и без каких бы то ни было принципов) ставит текстологов перед необходимостью в новых условиях принимать сложнейшие решения как методологического, так и чисто прагматического характера.

Открывая конференцию, заместитель директора ИРЛИ, доктор филол. наук В. А. Котельников представил общую картину современного состояния текстологии. Отметив резкое возрастание потока печатной продукции, находящегося вдали не только от научно-текстологических, но и от объективных редакторских и корректорских инстанций, он признал, что наука сегодня не может ни остановить этот поток, ни соперничать с ним. «Тем не менее, — отметил В. А. Котельников, — небольшая, но неприкосновенная область текстологической компетенции в культуре сохраняется и нет причин говорить об упадке текстологии — результаты работы собравшихся в зале служат очевидным тому свидетельством. Текстология, — продолжил он, — может быть, самая драматичная отрасль филологической науки, и особенно явно это сегодня. Обостряется конфликт интерпретационного и историко-фактического аспектов в ходе поиска текстологических решений. Возрастает давление новых, зачастую принципиально неисторических подходов к тексту, что связано с проблемой социального статуса слова, с его идеологической обремененностью и авторитарностью. Многие филологи переживают со-

стояние, которое теперь принято называть „эпистемологической неуверенностью“. Сомнение в традиционных постулатах познания, скептицизм в отношении культурной аксиоматики, недоверие к традиции, к автору текста — все это нередко сопутствует работе текстолога. Кроме того, возрастают амбиции исследователя, который подчас претендует стать соавтором произведения. Реконструкция творческого процесса может приобретать телеологический характер и, имея вид научной обоснованности, навязывать такое прочтение текста, которое, по сути, лишено настоящих исторических оснований. И это лишь часть тех моментов, которые делают текстологию драматичной».

Реальную остроту текстологических проблем, возникающих при работе с авторами как XIX века (начиная с Пушкина), так и в особенности века XX, подтвердили выступления докладчиков и развернувшаяся дискуссия.

Выступления на конференции 7 июня открыла главный научный сотрудник ИМЛИ Л. Д. Громова-Опульская докладом «Текстология незавершенного (Л. Н. Толстой)», обобщившим основные методологические принципы, которые легли в основу издаваемого ИМЛИ академического Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах. В настоящее время, сказала Л. Д. Опульская, получили признание три основные текстологические школы — немецкая, русская и французская. Методологической основой немецкой школы был позитивизм, исходящий из правды факта, количественного соотношения деталей. Основу русской школы, возникшей преимущественно в связи с научными изданиями классиков новой литературы в конце XIX века и теоретически обоснованной уже в нашем веке (более всего Д. С. Лихачевым), составляет историзм, противопоставленный механицизму немецкой школы. Французская школа, так называемая генетическая критика, — самая молодая, существующая всего несколько десятилетий, ставит во главу угла движение текста и в сущности не отдает предпочтения ни одной из его редакций. «Мы спорим с этим подходом, — подчеркнула

Л. Д. Опульская, — поскольку отстаиваем целенаправленную авторской творческой воли. Однако следует признать: все методы хороши, если они уместны в приложении к данному материалу. Если сочинение сохранилось лишь в списках и преемственную, историческую связь между ними трудно, порою невозможно установить, приемы французской школы могут быть плодотворно использованы». Так, генетическая критика дает инструментарий к анализу (и к изданию) незавершенных произведений. Докладчица продемонстрировала это на примере незавершенных произведений Л. Н. Толстого — «Отъездное поле», «Живой труп», «Отец Сергей», «Дьявол». В заключение Л. Д. Опульская сказала: «Текстология — вообще ювелирная, тонкая, очень ответственная работа. Здесь очень важно не навредить творцу. Когда речь идет о произведениях незавершенных, сложности, пожалуй, не уменьшаются, а возрастают. То, что мы называем „критикой текста“, выглядит здесь обгчно даже более внушительно, чем в случаях, когда сочинение было оформлено самим автором. История всякого текста, особенно незавершенного, уникальна и неповторима. Занимаясь всю жизнь изданиями и рукописями, могу сказать: в текстологии нужно полное знание, умение, такт, осмотрительность и осторожность. И прав был Г. О. Винокур: надо любить произведение, а не его редакции».

Методологическим аспектам текстологии был посвящен доклад ведущего научного сотрудника ИМЛИ А. Л. Гришунина «Французская генетическая критика в свете отечественного опыта». Возникновение генетической критики докладчик связал с новейшими тенденциями в мировой науке. Генетическая критика отражает интерес к «открытому произведению», а не только к «завершенному» тексту, воплотившему «волю автора», к процессу творчества и к механизмам восприятия. Она включает и момент эстетический: анализ «графизма» рукописи расширяет диапазон исследования и ведет к синтезу различных наук. Достижения подобного рода, по мнению докладчика, не стали достоянием отечественной науки по чисто внешним причинам (давление на структурализм в советские годы, задержка с компьютеризацией), хотя в России были значительные предпосылки именно такой текстологии, прежде всего — в деятельности А. А. Потебни и его школы. Но ни Потебня, ни Б. В. Томашевский, ни Г. О. Винокур, ни Д. С. Лихачев, ни Н. К. Пиксанов с его «творческой историей» во французских исследованиях не упоминаются. «Позволительно думать, — заключил докладчик, — что „энтузиазм неопитов“, французских „генетистов“, не имеет резона. Нашим исследователям большая часть выдвинутых ими проблем давно известна».

Сообщение старшего научного сотрудника ИРЛИ Н. П. Генераловой было посвящено не столько теоретической, сколько прикладной текстологии. Она ознакомила присутствующих с проектом первого Собрания сочинений А. А. Фета в 20-ти томах, предпринятого Кур-

ским педагогическим университетом и Институтом русской литературы. Уже к началу 90-х годов, по словам Н. П. Генераловой, большим успехом исследователей стала осознаться проблема необходимости издания полного наследия Фета — не только поэта, но и критика, публициста, мемуариста, переводчика. В том, что именно Курский университет, в течение последних пятнадцати лет проводивший регулярные Фетовские конференции и выпускавший Фетовские сборники, стал центром современного фетоведения, нет сомнений. Собиравшиеся там со всей России исследователи пришли к выводу, что настало время представить творчество великого русского поэта в максимальном объеме, включая его переводы и богатый эпистолярный. Н. П. Генералова сообщила, что первый том Собрания сочинений Фета, куда вошли стихотворения, написанные до 1863 года (представленные по сборникам 1840, 1850, 1856 и 1863 годов), подготовлен к печати, остальные тома находятся в работе. Прозвучавшая в докладе характеристика текстологических принципов нового издания и проблем, с которыми пришлось столкнуться его редколлегии, вызвала у слушателей ряд закономерных вопросов. Как общая композиция, так и состав издания достаточно необычны. К примеру, в собрание предполагается включить не только фетовские переводы античных классиков и «Фауста» Гете, но и целиком трактат А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», что, естественно, потребует специального научного комментария. Для авторского коллектива издания, завершила коллег Н. П. Генералова, все эти проблемы представляются решаемыми.

«Текстология — синоним филологии. Текстолог — тот, кто проходит весь филологический путь от начала до конца» — с этих положений начал свой доклад «Текст как множественность волеизъявлений автора (Вл. Соловьев)» ведущий научный сотрудник ИМЛИ Н. В. Котрелев. Для текстолога, отметил он, обычно существуют два понятия — или автор, или произведение. «Произведение не является законченной конструкцией, но суммой авторских решений по поводу некоего замысла и придания ему общественного статуса. Если произведение есть единица действия автора, его творческий жест, если писатель через произведение конструирует представление о себе как ценности высшего порядка, трансцендирует себя, то наша задача сводится к строгой осведомленности о тех разных статусах, которые автор придал своему произведению». Докладчик подчеркнул, что проблема единственного текста — историческая проблема (обусловленная, например, статусом слова внутри той или иной политической и идеологической системы, наличием цензуры и проч.) и перед текстологом всегда стоит задача, что издавать — произведение (с его культурно-социально-историческим статусом) или рукопись. Сложность решения этой задачи была продемонстрирована Н. В. Котрелевым на примере стихотворения Вл. Соловьева «Из Гейне», черновик которого много содержательнее чис-

товой редакции и включает как автобиографические и автореминисцентные, так и теософские мотивы, удаленные автором из окончательного текста.

Основные вопросы и трудности, возникающие перед издателями текстов русских писателей-эмигрантов, были рассмотрены в докладе ведущего научного сотрудника ИРЛИ А. М. Грачевой «Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей-эмигрантов первой волны эмиграции (Собрание сочинений А. М. Ремизова)». Среди них — проблема изучения допечатной и печатной истории текста, обусловленная рассредоточением архивов писателей-эмигрантов между несколькими странами; проблема полноты издания, сопряженная с недостаточностью или полным отсутствием персональных регистрационных библиографий как произведений самого писателя, так и литературы о нем. Однако в современных условиях, подчеркнула докладчица, академическая наука не может отстраниться от изданий сочинений писателей-эмигрантов, мотивируя это отсутствием базы для подготовки собрания сочинений академического типа. В этом случае надо идти не путем, указанным Б. В. Томашевским, т. е. от академического издания к популярному, а от популярного — к академическому. Примером следования в этом направлении служит подготовка Пушкинским Домом на базе издательства «Русская книга» Собрания сочинений Алексея Ремизова в 10-ти томах. Охарактеризовав эдиционные принципы этого Собрания сочинений, докладчица заключила, что коллектив авторов рассматривает свое издание как предваряющее следующий этап научного изучения наследия А. М. Ремизова — подготовку академического Полного собрания его сочинений.

Вечернее заседание открыли доклады пушкинистов, посвященные острейшим проблемам пушкинской текстологии, возникшим в процессе работы над академическим Полным собранием сочинений поэта.

С докладом «О текстологической концепции 4-го тома Полного собрания сочинений А. С. Пушкина» выступил ведущий научный сотрудник ИРЛИ С. А. Фомичев. Наиболее сложными в подготовке нового академического ПСС Пушкина, отметил он, являются тома лирики в силу наибольшего количества произведений, известных нам лишь по рукописям и спискам, не опубликованных по разным причинам при жизни автора. Особенно это касается четвертого тома, включающего лирику 1830-х годов, т. е. того периода творчества, когда Пушкин, по справедливому утверждению исследователей, становится преимущественно «поэтом для себя», не стремившимся делиться с публикой даже большинством ныне признанных шедевров его лирики. До сих пор в публикации текстов пушкинских стихотворений сохраняется атавизм многих «допусков», предпринятых в посмертном издании сочинений поэта В. А. Жуковским, смело редактировавшим пушкинские стихи, восстанавливавшим зачерк-

нутые фрагменты автографов, а иногда и прямо «дорабатывавшим» пушкинские тексты, особенно в тех случаях, когда рукопись не поддавалась уверенному прочтению. В качестве примеров С. А. Фомичев указал стихотворения «Заклинания», «Я здесь, Инезилья», «Паж, или Пятнадцатый год», которые до сих пор печатаются в редакции Жуковского.

Ряд общепринятых датировок пушкинских стихов также не подтверждается рукописными источниками — так, некоторые из «кавказских» стихотворений, воссоздающих впечатления от путешествия 1829 года, фактически были написаны во время знаменитой Болдинской осени 1830 года. Особая проблема — целостность сформированного Пушкиным в 1836 году лирического цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия», а также состав и порядок так называемого «Каменноостровского цикла».

Важную проблему представляют также ясно зарегистрированные известными рукописными источниками ранние редакции пушкинских стихотворений, в прежнем академическом ПСС теряющиеся в разделе «вариантов». Докладчик особо отметил необходимость предварительной публикации факсимильного издания болдинских рукописей 1830 года, четвертого выпуска серии «Неизданный Пушкин» («Уточненные тексты стихотворений Пушкина»), тома «Рабочие тетради Пушкина. Истории заполнения», которые позволят произвести твердую апробацию необходимых новых текстологических решений для научного издания четвертого тома ПСС.

Доклад старшего научного сотрудника ИРЛИ Е. О. Ларионовой «Проблемы текстологии вольнолюбивой лирики А. С. Пушкина 1817—1820 годов» продемонстрировал реальные проблемы, связанные с критической подготовкой произведений, творческая история которых до сих пор остается неясной. Эти произведения не печатались (и даже не предполагались к печати) при жизни автора; применительно к ним невозможно оперировать текстологической категорией «авторской воли»; они практически не подкреплены автографическим фондом (автографы политической лирики в большинстве случаев сознательно уничтожались). Тем не менее стихотворения имели широкое распространение и дошли до нас в большом количестве рукописных списков, как современных Пушкину, так и относящихся к позднейшим десятилетиям. Списки эти почти в каждом случае дают текст в разной степени дефектный (с пропусками, искажениями, грубыми ошибками переписчиков и т. д.) и не дают стабильного, достоверного текста. Речь в докладе шла о трех конкретных текстах — послании «К Чадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «Ноздь» и «Деревня», опубликованных впервые в 1856—1858 годах в герценовской вольной печати по присланному Герцену (несохранившимся) спискам. «Позднейшие публикации этих текстов в русской печати, вплоть до академического издания, — сказала Е. О. Ларионо-

ва, — являют собой образцы произвольной редакторской контаминации текста, без мотивировок, основным принципом которой следует признать вкусовую». В докладе был дан критический анализ этих публикаций и заявлено, что в новом академическом издании тексты вольнолюбивой лирики Пушкина должны быть пересмотрены. Текстологическая работа над новым изданием, как отметила докладчица, идет в тяжелых условиях: последнее время все громче звучат тезисы о неуважении новых пушкинистов к своим предшественникам. Однако работа над пушкинскими текстами, по убеждению Е. О. Ларионовой, не отрицает, а продолжает работу текстологов Большого академического издания.

О реальном драматизме текстологии, подтверждая положения, прозвучавшие при открытии конференции, свидетельствовал и доклад ведущего научного сотрудника ИРЛИ В. Д. Рака «Как текстологи создали пушкинский шедевр». Речь в докладе шла об общих текстологических принципах 1920—1930-х и позднейших годов, конкретно же — о тексте черного наброска «Царь увидел пред собою...», реконструированного в Собраниях сочинений Пушкина, в том числе в Большом и Малом академических, Н. В. Измайловым, М. А. Цявловским, Б. В. Томашевским и С. М. Бонди. Исследование пушкинского автографа и этапов творческого процесса привело В. Д. Рака к заключению, что М. А. Цявловский сознательно «подправлял» предполагаемые «упущения» и «небрежности» Пушкина смелыми гипотетическими решениями, проверяя их, как сформулировал С. М. Бонди, «практикой», под которой понималось, по его же словам, «непосредственное художественное чувство, хорошо выработанный литературный вкус исследователя». «В ходе стихотворной обработки сюжета, — сказал докладчик, — не было ни единого момента, когда создаваемый набросок представлял бы собою цельный, связный текст, и оставлен он был в разрозненном состоянии, имея большие внутренние пустоты и незавершенную последнюю строку. Тем не менее на протяжении почти восьми десятилетий со времени первой публикации все усилия пушкинистов сводились к тому, чтобы извлечь из рукописи именно некий цельный „отрывок“, явобы содержащийся в черновых записях. История постепенного формирования этого гипотетического искомого текста весьма поучительна. Он последовательно уточнялся и совершенствовался от сводки к сводке, и каждая, отражая методологические представления своего времени, равно как и разнообразие, существенные и мелкие, отклонения от них в индивидуальной практике того или иного редактора, имела свою логику, которую современным текстологам, готовящим новое академическое издание, необходимо понимать в полном объеме, для того чтобы во всех деталях и нюансах оценить получившийся в конце этого длительного процесса результат — стихотворение, печатающееся ныне, уже более сорока лет, в корпусе сочинений Пушкина».

Ведущий научный сотрудник ИРЛИ В. П. Старк в докладе «„Онегинская текстология“ В. В. Набокова» предложил учесть при подготовке нового академического издания Пушкина ряд текстологических находок и уточнений, сделанных В. В. Набоковым, прежде всего в десятой главе «Евгения Онегина».

Представив участникам конференции только что изданный 1-й том 23-томного академического Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя (М., «Наследие», 2001), его редактор старший научный сотрудник ИМЛИ Е. Е. Дмитриева рассказала о текстологических принципах издания. Принцип расположения текстов в новом издании — хронологически-жанрово-циклический, тот, который выработался в ходе эволюции гоголевских изданий. Для текстологов-гоголеведов, сказала Е. Е. Дмитриева, самой острой остается широко известная «проблема Прокоповича». Гимназический товарищ Гоголя Н. Я. Прокопович, готовивший первое издание его «Сочинений» (1842), сполна воспользовался предоставленной ему свободой править текст, в результате чего оказалась стертой та речевая и стилистическая окраска, которая присуща именно гоголевской художественной манере. Однако правка Прокоповича носит регулярный характер, поддается систематизации и в целом легко вычленима, задача текстологов сводится к последовательному восстановлению оригинального текста. Ряд заявленных в выступлении текстологических принципов, как например сохранение при современных нормах орфографии и пунктуации значительного количества устаревших лексических, грамматических и синтаксических форм, несущих, по мнению издателей, определенную семантическую или фонетическую нагрузку, вызвал в зале вопросы. В частности, было замечено, что далеко не всегда оправдана семантизация орфографии и пунктуации, что подобный, по сути интерпретационный, подход уводит от подлинной историчности и научной объективности.

В выступлении профессора СПбГУ И. В. Столяровой «Проблемы атрибуции газетных текстов Н. С. Лескова» речь шла об анонимных публикациях писателя (главным образом в газетах «Русский мир» и «Биржевые ведомости»), впервые введенных в основную корпус его текстов в новом тридцатитомном Собрании сочинений Лескова и в томе «Неизданный Н. С. Лесков» (М., 2001; «Лит. наследство», т. 101). При всей сложности установления авторства для газетных материалов, отметила И. В. Столярова, основным критерием при атрибуции лесковских текстов служит его стилистика (Лесков «писал эссенциями», как говорил Достоевский), своеобразные «словечки», помимо общих для публицистики и художественных текстов писателя литературно-эстетических положений, присутствия биографического материала, характерных именно для Лескова источников цитат и реминисценций.

В первый день конференции ее участники посетили новое здание Рукописного отдела

ИРЛИ, где имели возможность осмотреть выставку «Рукописные источники собраний сочинений русских классиков в собраниях ИРЛИ», а также книжную экспозицию «Современные собрания сочинений, подготовленные коллективом Пушкинского Дома».

Утреннее заседание 8 июня проходило под председательством Л. Д. Громовой-Опульской и открылось совместным докладом В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко «Проблемы научного издания наследия К. Н. Леонтьева», представившим первое Полное собрание сочинений и писем этого автора, издаваемое Пушкинским Домом и издательством «Владимир Даль» (в 2000—2001 годах вышли три тома беллетристики Леонтьева 1850—1870-х годов). Доклад был посвящен основным эдичионным принципам собрания и проблемам, связанным с его подготовкой. Главные из них — отсутствие многих автографов, сложные случаи творческой истории, трудноопределимая жанровая природа некоторых текстов, порождающая спорные вопросы архитектоники всего собрания и отдельных томов.

Тремя докладами было представлено академическое Полное собрание сочинений и писем И. А. Гончарова в 20-ти томах, работа над которым также ведется в Пушкинском Доме (в 1997—2000 годах вышли 4 тома этого издания).

Доклад ведущего научного сотрудника ИРЛИ Т. И. Орнатской «Реконструкция раннего замысла романа И. А. Гончарова „Обломов“» был построен на материале первоначального слоя черновой рукописи 1-й части романа, частично сохранившем текст «Обломовщины» (под этим названием гончаровский замысел начиная с 1849 года становится известен его современникам). Очищенный нижний слой рукописи, по мнению Т. И. Орнатской, отражает признаки другой литературной эпохи — эпохи «натуральной школы» и «физиологий», в нем, соответственно, другая «архитектоника» (это ряд очерков, эпизодов и сцен) и другой главный герой. Докладчица пришла к выводу, что все эти обусловленные временем особенности раннего замысла закрывали Гончарову выход во 2-ю часть романа, что повлекло за собой мучительную десятилетнюю переработку 1-й его части.

Одной из ключевых задач текстологии, установлению основного источника текста, в данном случае — печатного источника романа «Обрыв», был посвящен доклад научного сотрудника ИРЛИ А. Ю. Балакина. Для произведений, опубликованных при жизни автора несколько раз, в качестве основного принимается, как правило, последнее прижизненное издание или позднейшее по времени издание, в подготовке которого автор принимал непосредственное участие и в котором, таким образом, отражена его последняя творческая воля. Но механически следовать этому принципу, — подчеркнул докладчик, — было бы ошибкой. Ведь поступательное движение текста от издания к изданию вовсе не подразумевает его улучшения. При анализе и оценке источника нельзя не учитывать, что зачастую на его трансформацию

влияют также и нетворческие факторы (небрежность набора, произвол корректора и т. п.) — и эти искажения текста могут оказаться более значимыми и весомыми, чем авторская редакция текста». Именно такого рода искажениями, что и продемонстрировал А. Ю. Балакин, избилуют два последних прижизненных Собрания сочинений Гончарова (1884 и 1886 годов), корректуру которых, из-за тяжелой болезни глаз, Гончаров, скорее всего, не держал. Критическое сопоставление печатных изданий «Обрыва» (а их было 5) привело А. Ю. Балакина к выводу, что наиболее авторитетным следует признать отдельное издание романа 1870 года, тщательно выверенное Гончаровым. «Что вернее, точнее, научнее, наконец, — поставил вопрос докладчик, — брать за основу выверенное автором издание, но которое при этом не отражает последних поправок в текст, или же издание позднейшее, которого слегка коснулась рука автора, но при этом засоренное разного рода погрешностями?»

Сложность атрибуции гончаровских текстов продемонстрировал доклад старшего научного сотрудника ИРЛИ А. Г. Гродецкой «Ранний Гончаров в разделе Dubia Полного собрания сочинений». Традиционные методики атрибуции, признала докладчица, в применении к гончаровскому творчеству не всегда работают. Сложности возникают в силу закрытости личности писателя (отсюда недостаток документально-биографического материала), невыраженности субъективно-личностного начала в его текстах, «сглаженности» стиля. Три ранних текста 1835—1836 годов, приписываемых Гончарову (повесть «Нимфодора Ивановна», рассказ «Красный человек» и этюд «О чем Адам и Ева разговаривали в первое свидание»), как показала А. Г. Гродецкая, не только не могут быть включены в корпус основных текстов писателя в академическом собрании сочинений, но едва ли войдут и в раздел Dubia, поскольку в настоящее время имеются достаточно веские аргументы, опровергающие атрибуцию этих текстов Гончарову.

Эпистолярному наследию М. Горького как явлению уникальному и по объему, и по значению в истории мировой культуры был посвящен доклад «Текстология писем М. Горького: ведущего научного сотрудника ИРЛИ Л. А. Спиридоновой. Публикация писем второй серии («Письма») Полного собрания сочинений писателя дает основание считать некоторые выводы о своеобразии их текстологии. Первая проблема, стоящая перед исследователем писем, — определение критерия жанра письма, которое часто у Горького имеет признаки публицистической статьи или делового документа. Вторая — проблема выбора текста при наличии нескольких источников (автограф, копия, машинопись, отсуек, иррижизненная публикация). Наиболее сложный процесс подготовки писем Горького иностранным корреспондентам, которые переводили люди, недостаточно хорошо знавшие язык. Сильная авторизация текста, искаженного переводчиком, в ряде

случаев давала основание текстологам предпочитать автограф подлиннику.

Старший научный сотрудник ИМЛИ Е. Р. Матевосян в докладе «Проблемы реконструкции источников текста» (роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина») проанализировала письма писателя в качестве источника текста. Подобный источник, по убеждению докладчицы, характерен для творческого метода Горького (приверженность документальному факту и документу, использование писем как средства «обкатывания» волновавших писателя идей, сюжетов, тем). Чтобы обнаружить такой источник в тексте, Е. Р. Матевосян предложила синтезировать окончательный текст романа «Жизнь Клима Самгина» с его рукописными, печатными и вспомогательными источниками. В этом случае текстология может послужить базой для постановки и решения литературоведческих проблем. К их числу, без сомнения, относится и факт превращения письма в элемент поэтики, в составляющую художественного мира произведения.

Во второй половине дня участники конференции посетили мемориальное кладбище русских писателей «Литераторские мостки».

Заседания третьего дня конференции были посвящены XX веку. Утреннее заседание 9 июня проходило под председательством А. Л. Гришунина.

В докладе ведущего научного сотрудника ИРЛИ Ю. К. Герасимова «Семантика редакций в драматургии Л. Н. Андреева» рассматривались неизвестные редакции драмы «Жизнь Человека», полученные в виде ссерокопий из Гуверовского института (США) и из Русского архива Лидса (Великобритания). Редакции 3-й и 4-й картин («Бал у Человека» и «Несчастье Человека»), как показал их анализ, фиксируют намерение автора внести в действие сюжетно-фабульное развитие, хотя и не прямое, а отраженное в речах действующих лиц. В процессе работы, сказал докладчик, Л. Андреев последовательно проводил свою установку на отказ от авторского «всеведения» и связанной с ним интриги в пользу «случая» и «судьбы», аскетизма в изображении жизни абстрагированного человека. Потому все редакции были им отвергнуты и не вошли в окончательный текст.

Гимназический и студенческий дневники Леонида Андреева как творческий источник рассматривались в докладе старшего научного сотрудника ИМЛИ М. В. Козьменко «Проблемы текстологии Л. Н. Андреева (ранняя проза)». Ранний дневник Андреева, как определил его докладчик, это интроспекция, хроника души, или психохроника, автор-герой сосредоточен на самоанализе и внутренних микрособытиях. Его основное настроение — осознание конечности жизни. Вместе с тем гимназический дневник писателя уже представляет собой квазироманное целое: в нем есть разбивка на части, воображаемый читатель и обращение к нему. Дневник носит синкретический характер: в него вводятся конспекты чужих произведений (например, Ч. Дарвина, который интересен Ан-

древу как философ) и наброски собственных философских сочинений («Проклятые вопросы» и др.). Дневник студенческих лет отразил эволюцию Андреева, он стал более пронизан для внешних событий, здесь разделяются герой и автор, а автобиографический материал постепенно преобразуется в художественный текст. В целом же дневниковая проза Андреева отличается гипертрофированной автобиографичностью, которая значительно снижается в его художественном творчестве.

Сообщение старшего научного сотрудника ИРЛИ В. Н. Быстрова «К вопросу об основном тексте Полного академического собрания сочинений Леонида Андреева» было посвящено конкретной текстологической проблеме. При жизни писателя вышло два авторитетных собрания его произведений: 13-томное в изд-ве «Просвещение» (1911—1913) и 8-томное в изд-ве А. Ф. Маркса (1913), различные по своей структуре и содержащих немалое количество разночтений в текстах. Сопоставление разных текстовых версий рассказов Л. Андреева 1900-х годов в этих двух изданиях привело автора сообщения к выводу, что есть веские основания считать окончательными (каноническими) тексты более позднего по времени Полного собрания сочинений, вышедшего в изд-ве А. Ф. Маркса.

О текстологических проблемах издания произведений А. Д. Скалдина, последнего петербургского писателя-символиста, рассказала в своем выступлении ведущий научный сотрудник ИРЛИ Т. С. Царькова. Наследие этого писателя не собрано и не откомментировано, хотя отдельные публикации все чаще появляются в печати, в частности в «Новом журнале» (США). В готовящееся издание литературного наследия А. Д. Скалдина (хотя до нас дошла лишь двадцатая или тридцатая часть из написанного им) войдут его стихи, проза, литературно-критические статьи, дневниковые и документальные записи. В связи с подготовкой издания возникают проблемы датировки текстов, построения стихотворных циклов, атрибуции посвящений. Одной из «загадок» остается посвященный Вяч. Иванову цикл «Из письма», которому и было отведено значительное место в докладе.

Научный сотрудник ИРЛИ Т. В. Мисникович затронула в своем докладе проблему «чуждого слова» в лирике Федора Сологуба. Свободное использование «чуждого слова», тяготение к разного рода переложениям (при отрицании какого бы то ни было «плагиаторства»), как отметила докладчица, было характерно для Сологуба. В 1925 году Сологуб не без иронии отметил: «Новым Пушкиным будет только такой поэт, который беззастенчиво и нагло обворует всех своих современников и предтеч». Ряд лирических стихотворений Сологуба 1890-х годов фактически представляют собой лексико-стилистические варианты произведений поэта-романтика послепушкинской эпохи Е. Бернета (А. К. Жуковского); сборник «Свирель» (1922), к примеру, в целом ориентирован на собрание песен М. Д. Чулкова, переложения из которого

есть среди неопубликованных текстов Сологуба. Многие тексты имеют пометы «из...», «на мотив...» (источники — Ада Кристен, В. Шютц, Луиза Аллерман, Гофман, Бодлер, Верлен и др.). Составленный поэтом библиографический указатель собственных произведений и авторские пометы на автографах позволяют очертить достаточно широкий круг поэтических источников его текстов.

Основные проблемы, возникающие перед исследователями текстологии Леонида Леонова, были представлены в докладе старшего научного сотрудника ИРЛИ Т. М. Вахитовой «„Белые и черные пятна” текстологии Л. Леонова». Первый блок вопросов, по мнению докладчицы, связан с прижизненным диалогом писателя с редакторами советских издательств: несмотря на внешнее благополучие жизни Леонова, каждое собрание его сочинений проходило с большим трудом. Сложность этого процесса была продемонстрирована на примере прохождения самого «социалистического» из всех романов Леонова «Дорога на океан», к которому Гослитиздат в 1950-е годы предъявлял многочисленные идеологические претензии, свидетельствуя чему сохранило авторское дело писателя (РГАЛИ. Ф. 613). Второй блок проблем касается посмертных публикаций текстов Леонова. К сожалению, эти тексты (1920-х годов) выходят в свет без вступительных статей, без научного комментария и пропадают в свободном поле современного литературного процесса. Третий круг проблем, на который обратила внимание Т. М. Вахитова, связан с характерным для позднего периода деятельности писателя «авторским сомнением в тексте». «Сомнение» проявляет себя и как реальность (изменение почти всех финалов крупных произведений), и как художественный прием (в поздних редакциях леоновских произведений в текст вводится образ писателя, персонаж с собственным именем и отчеством, авторское «я»). Проблемы, связанные с текстологией последнего романа Леонова «Пирамида» («черные пятна»), по-видимому, никогда не будут доступны для исследования, ибо болезнь глаз помешала писателю видеть наборный текст рукописи и корректуры. Трудность для текстологов составляет и почерк Леонова, который М. Горький называл «микробным». Из-за этого в печати появляются только те письма и документы, которые напечатаны на машинке, остальное, написанное от руки, пребывает в забвении.

На завершающем конференции вечернем заседании 9 июня председательствовала А. М. Грачева.

Ведущий научный сотрудник ИМЛИ С. И. Субботин выступил с докладом «„Чужое слово” в статьях и письмах Сергея Есенина как текстологическая проблема». Исследование чернового (и единственного) автографа сборника «Ключи Марии», сказав докладчик, при подготовке 5-го тома Полного собрания сочинений Есенина (М., 1997) выявило многочисленные случаи использования поэтом «чужих» высказываний. Есенинские «Ключи Марии» — про-

изведение, в котором поэт излагает свои взгляды на природу русского народного словесного искусства. Работа над ним началась весной 1918 года на родине поэта, в Константиново, где у Есенина не было возможности непосредственно обращаться к текстам авторов (например, В. Стасова, Ф. Буслаява, Н. Клюева), на которых он ссылается и с которыми полемизирует. Тем не менее есенинские возражения предшественникам сделаны по конкретным поводам, как если бы произведения упомянутых авторов были у него перед глазами, и, возражая, Есенин переходит на язык своего оппонента — лексико-грамматическое построение его фраз нередко оказывается однотипным с оппонентом. Как подчеркнул докладчик, только обращение к черновому автографу позволило установить круг источников «Ключей Марии», причем установить с точностью до абзаца или отдельного предложения упоминаемого произведения (такова была особенность памяти поэта). В докладе был приведен перечень книг и статей, к которым по памяти обращался Есенин в «Ключах Марии», кроме того, выявлены случаи цитирования им устных высказываний других авторов (например, А. Белого), зафиксированных печатно поздно.

В докладе ведущего научного сотрудника ИМЛИ Н. И. Шубниковой-Гусевой «Актуальные текстологические проблемы реконструкции творческой истории, контекста и интерпретации поэмы С. А. Есенина „Пугачев” на основании анализа рукописных источников поэмы были определены различные стадии работы автора над текстом, время написания отдельных глав и в целом восходящий процесс рождения нового жанра драматической поэмы (поэма первоначально строилась как классическая драма с ремарками, обозначением действий, сцен и др.). Особое внимание было уделено ранее не исследованному библейскому подтексту «Пугачева» (на него указывал в черновиках сам автор), а именно евангельским аллюзиям и притчам, таким как превращение камней в хлебы, предательство Иуды Искариота, Иисус и двенадцать апостолов (у Пугачева двенадцать сподвижников, казаков) и другим. Ление петуха, предвещающее отречение казаков от Пугачева, создает кольцевую композицию поэмы, а первая из восьми глав «Пугачева» напоминает пролог с безымянным персонажем, в основе которого лежит миф или притча. Такое построение имеет богатую традицию в русской литературе и драматургии, например в пушкинских «Борисе Годунове» и «Медном всаднике». Текстология, подчеркнул Н. И. Шубникова-Гусева, позволяет максимально выявить внутреннюю волеизъявительность поэмы, которая не сводится к крестьянской точке зрения или воссознанию народного мифа, и по-новому оценить живое творчество в литературе 1920-х годов этой и других больших поэм Есенина как поэм-драм и поэм-притч.

Проблеме реконструкции текста неоконченных поэм В. В. Маяковского «IV Интернационал» и «Пятый Интернационал» (1922) был

посвящен доклад ведущего научного сотрудника ИМЛИ В. Н. Терехиной. Изучая историю их создания и последовательность работы над текстом, докладчица на основе анализа рукописей пришла к выводу о том, что это единое произведение, которое должно было состоять из пролога под заглавием «IV Интернационал» и двух (из восьми предполагаемых) частей — «Тридцатый Интернационал» и «Пятый Интернационал». Таким образом пересматривается прежде текстологическое решение как не вполне отвечающее авторскому замыслу. При этом незавершенность произведения не является препятствием к его включению в основной корпус академического собрания произведений В. В. Маяковского.

О нетрадиционной ахматовской текстологии шла речь в докладе ведущего научного сотрудника ИМЛИ С. А. Коваленко «Анна Ахматова. Текстология большого жанра (от «списка» к «редакции»)». Сложнейшие проблемы для текстолога — дешифровка отдельных (в особенности «бродячих») строк, требующих подключения исторического и временного контекста; ахматовская автоцензура; разграничение (в произведениях большого жанра) варианта и фрагмента; функции «авторских» и «редакторских» примечаний (последние нередко являются мистификацией). С. А. Коваленко рассмотрела определенные ею четыре редакции «Поэмы без героя» (1943, 1946, 1956 и 1963 годов). При этом, исходя из принципа инвариантности списков, образующих редакцию, варианты, по мнению С. А. Коваленко, должны даваться в рамках каждой редакции. Время завершения работы над поэмой автор доклада определила временем внесения в рабочий экземпляр «крамольных», или потаенных, строк, т. е. полной свободой авторского волеизъявления.

В докладе научного сотрудника ИРЛИ В. А. Прокофьева «О „беспощадности“ Н. С. Гумилева в работе над последними стихотворными сборниками» отразились те проблемы, которые решались текстологами при подготовке 4-го тома академического (издаваемого Пушкинским Домом) Полного собрания сочинений Н. С. Гумилева. Как яркий пример безжалостности поэта в сокращении порой прекрасных стихов и строк В. А. Прокофьев привел сборник «Шатер», созданный в 1918 году и изданный дважды — в 1921 году в Севастополе, в 1922 го-

ду в Ревеле. Спорный вопрос о «каноническом» тексте сборника при сопоставлении вариантов печатных изданий и автографов (хранящихся в ИРЛИ и РГАЛИ) был решен докладчиком в пользу севастопольского издания. На примере ряда автографов стихотворных текстов, «в большей части которых буквально нет живого места», В. А. Прокофьев продемонстрировал характер авторедактуры Гумилева.

Завершило конференцию выступление старшего научного сотрудника ИМЛИ М. И. Щербаковой «Текстологическая практика студентов в системе вузовского образования». Как о наиболее насущном вопросе говорилось в докладе об обязательном курсе текстологии в системе филологического образования. Требуется не только специальная теоретическая подготовка, подчеркнула М. И. Щербакова, но хорошая практическая школа. Базой для текстологической практики студентов могут стать *любые* готовящиеся в печать издания литературных памятников, в зависимости от специализации студента-филолога — либо издания древних памятников с историческим, литературоведческим, лингвистическим уклоном, либо издания памятников нового времени, научные, популярные, документальные. Предпочтительнее, разумеется, издания научные, являющиеся результатом и, одновременно, образцом специальной научной работы по подготовке текста произведения, изучению его истории, печатных и рукописных источников, комментированию. Студенты-практиканты могут быть привлечены к подготовке и текстов, и научного комментария, и указателей. Текстологическая практика, заключила докладчица, имеет огромный образовательный потенциал, дает возможность приобрести умение и навыки научно-исследовательской работы самого высокого класса.

Подводя итоги трех дней заседаний, участники конференции с единым сердцем отметили ее очевидную результативность, насущность поставленных в докладах и выступлениях теоретических и прикладных проблем текстологии, высказались за то, чтобы профессиональное текстологическое общение стало регулярным. По материалам конференции предполагается выпустить сборник.

© А. Г. Гродецкая

МИХАИЛ БУЛГАКОВ В КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА

17—18 мая 2001 года в Пушкинском Доме состоялась юбилейная научная конференция «Михаил Булгаков в контексте XX века», посвященная 110-летию со дня рождения писателя.

Конференция открылась вступительным словом зам. директора ИРЛИ, зав. отделом новейшей русской литературы, доктора филол.

наук В. П. Муромского. Минуло десять лет с тех пор, напомнил он, как отмечалось 100-летие М. А. Булгакова, но интерес к автору «Белой гвардии» не ослабевает и сегодня. Его активно читают и перечитывают, литература о нем непрерывно пополняется. По результатам опросов общественного мнения имя М. А. Булгакова неизменно упоминается среди наиболее востребо-